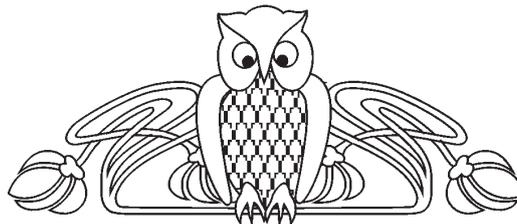

УДК 304.9 + 008

ЗОДЧИЕ УТОПИЧЕСКОГО: «ГОРОД БЕЗ ИМЕНИ» В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: filmon-2006@yandex.ru

Теоретическая значимость утопии не утрачивает своего проективного значения, поскольку неизменная потребность кардинальных перемен, желание выйти за пределы действительности, совершить невозможное есть всегда узнаваемый признак утопического мышления, внутренне противоречивого и двойственного. С одной стороны, оно вселяет надежду на счастье и, будучи ниспровергающим по сути, новаторски противостоит и оспаривает существующую данность; с другой стороны, ассоциируется с идеологическими уклонами проектов будущего, основанных на подобию «муравьиной необходимости», на модели порядка жесткого и даже жестокого. Однако, так или иначе, утопическая рациональность всякий раз воспроизводит красочную мифологическую топикку отдаленного будущего, и тогда его зодчие выступают как предтечи, наделенные даром пророчества и предвидения. В статье показывается, что воплощение утопического на практике имеет негативный эффект, который исходит не от утопий самих по себе, а от людей, готовых приводить в безусловное исполнение свои или чужие мысли. Обращение к философско-литературному творчеству В. Ф. Одоевского – прямое выражение обозначенной интенции. Его оригинальное сочинение «Город без имени» является интеллектуальной проверкой практической морали И. Бентама в отношении к перспективе социальной будущности. На этом пути как для него ранее, так и для нас теперь пролегает разгадка утопичности и сомнительности утилитаристской теории, несмотря на ее видимую убедительность.

Ключевые слова: утопия, утопическая рациональность, анти-утопия, практическая этика утилитаризма, русская философия, В. Ф. Одоевский.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-177-182

Не будет преувеличением, если скажем, что перспективы и цели, закрепившиеся в направлениях социально-философской, политико-экономической мысли и на горизонтали культурного творчества, являются вторичным следствием первичных проявлений утопического. Повесть князя Владимира Федоровича Одоевского «Город без имени» (1839) – один из замечательных памятников отечественной словесности, который принято считать предвосхищением негативной утопии. Несмотря на большой временной период, отделяющий нас от ее написания, поразительно много сказанного в ней остается верным до сих пор. Ведь не ошибался В. В. Розанов, когда говорил, что «Одоевский везде шел впереди своего времени, впереди на несколько десятилетий <...>

его рассуждения понятны, интересны и новы» [1], поэтому в предсказательном значении повести нет надобности убеждать. Полагаем, что если обратиться к философической составляющей ее отдельных сюжетных линий, то можно будет выйти на ряд актуальных аллюзий относительно не только нашей современности, но и её будущности.

«Город без имени» является своеобразным и, как представляется, пока еще недостаточно освоенным, но, бесспорно, имеющим философское достоинство сочинением. Поэтическая дидактика, живая стимулирующая сила идей и прозрений, заложенных в нем, пленяют и притягивают наше внимание, а мысли и наблюдения, поданные подчас в форме эксцентричных фантазмагорий, не могут не заставить удивиться и задуматься, казалось бы, о том, о чем давно можно было бы догадаться. Действительно, повествующая речь Одоевского то ясная, то до предела затемненная, его намеки нередко прозрачны и откровенны, но чаще подаются ироническими полутонами, в загадочной размерности воображаемо-допустимой реальности и потому требуют интуирования, самостоятельного домысливания, досказывания. Но, с другой стороны, именно замечательная особенность этого приема и культивирует «умственную самостоятельность», которая, в свою очередь, становится своеобразным показателем того, насколько мы в состоянии распознать замыслы Одоевского, и, как показывает прочтение повести, – это непростая задача.

Быть может, мы продвинемся в ее решении, если обратимся к некоторым стилистическим особенностям и специфическим темам в творчестве Одоевского, которые имеют корни в культурно-исторической традиции и духовной ситуации современной ему эпохи.

Говорят, что всякое время имеет таких писателей, каких оно требует и стоит. К середине XIX в. к мировой культуре, которая только начала осознавать себя как общемировая, присоединилась Россия. Духовный уровень русской литературы тогда был очень высок – Жуковский, Веневитинов, Грибоедов, Пушкин и много других знаковых имен. Князь В. Ф. Одоевский также стал

тем, кем дорожит высокая культура: универсально образованный и универсально одаренный верующий интеллигент, любомудр, ученый, писатель, музыкант, филантроп, упрямый патриот и немного мистик. Обладая умом глубоким и пронизательным, способный мыслить оригинально, в иноказательных категориях, он создал нетипичную для русской литературы той поры прозу – философский роман «Русские ночи». Книгу по праву можно назвать мировоззренческим исповеданием автора, поскольку ведущим началом и главным героем этого уникального по композиции и жанру сочинения является, как отмечают литературные критики, «сама философствующая мысль: жизнь мысли и драма мысли» [2, с. 262]. Серия философских бесед, из которых складывается сюжет, вводит нас в русский взгляд на мир, хотя отчасти и видоизмененный от прививки западного просвещения, немецкого романтизма и мистики.

На наш взгляд, Одоевский – один из тех писателей-мыслителей, которые сумели создать свой «миф» в философском искусстве, и этим «мифом» являются его «Русские ночи». Атрибуты этого «мифа» – весь цикл новелл и каждая в отдельности, которые, по сути, обобщенно представили его мирозерцание. В этом, пожалуй, сказалось его постоянное стремление к «всеохватывающему синтезу», к цельности и внутренней гармонии. Есть и еще одна атрибуция – футуристическая составляющая, и рождена она удивительной склонностью Одоевского к соединению несоединимого.

Сохраняя родовую близость утопии и фантазии, он прихотливо смешивает и иронично сгущает до невероятного необычные ситуации – с точным воссозданием деталей повседневного городского быта и нравов, скептицизм – с сочувствием человеческим страданиям, мистический настрой – с язвительными насмешками над филистерством и фарисейством. Механизм такой выразительной работы достаточно тонкий, но смешением двух реальностей – действительной и мнимой – Одоевский достигает гротескного укрупнения утопии в антиутопию.

Характерно, что «Город без имени», открывающий в «Русских ночах» «Ночь пятаю», стал культурным паролем негативной утопии. В нем много удачных идей, касающихся разных философских тем, однако наше внимание склоняется к той, что прошла через все творчество Одоевского. Хочется думать, что не будет большим преувеличением заявить, что в круге образной и философско-литературной программы писателя неизменно присутствует тема города. Одоевский – урбанист, и его метафизические и научные идеи, эстетические и этические идеалы,

сужающиеся до семантических слоев сюжетных сцен и изображений, не могли быть выражены иначе, как через мир и многолюдье города: в нем и через него он пристально всматривается в действительность и ее будущность. Что же видел он там, стирая в своем воображении границы между реальным, желаемым и возможным?

Прежде всего, «Город без имени» – это не сумма мечтаний о земном рае, это критика форм и духа новейшей урбанизированной жизни. Сегодня мы знаем уже достаточно из литературной критики о скептическом отношении Одоевского к просветительскому рационализму, ставшему основой моральных, юридических норм и государственного устройства западных стран [3, 4]. Он был убежден, что в этом различные народы играют различные роли. Здесь для него существенны, прежде всего, Франция, Германия и далее в одном ряду с ними носители крайнего направления – Англия и Америка. Но как отмечал В. В. Зеньковский, Одоевский «первый касается в более систематической форме этой темы, столь глубоко волновавшей (и доныне волнующей) русскую мысль» [5, с. 172].

Мишень Одоевского – аксиома утилитаризма, опора всех человеческих отношений, как политических, так и моральных. И. Бентам, как известно, предложил удобный выход из затруднений нравственного порядка. Суть его выражается в погашении желаний (страданий) организацией их незамедлительного удовлетворения посредством «математической выкладки». Утилитаристская дидактика базируется на требовании материальной пользы и выгоды от всего – от хозяйства, религии, науки, искусства. Нравственность не является самостоятельным началом человеческой души и жизни, а есть хорошо истолкованная польза – таково кредо утилитариев. Вот как звучит его Одоевский в своем «Городе»: «Польза и одна польза – да будет вашим первым и последним законом! Пусть из неё происходят будут все ваши постановления, ваши занятия, ваши нравы; пусть польза заменит шаткие основания так называемой совести, так называемого врожденного чувства, все поэтические бредни, все вымыслы филантропов – и общество достигнет прочного благоденствия» [6, с. 63].

Однако достигла ли «моральная арифметика» своих целей в «Городе» Одоевского? Сам писатель-философ дает предостерегающий ответ. Кажется бы, граждане Бентами вплотную приблизились к тому состоянию, когда «ничто не нарушало спокойствия и наслаждений счастливого острова». Но, несмотря на ощутимую рентабельность («все наши богателы – колония процветала»), именно тогда выясняется, что расчетливо-практический,

деловито-предметный подход к жизни не принес им счастливой судьбы. Когда все и всегда захотели получать «ощутительную пользу», то единственным способом ее добычи оказалась сила. Отсюда последовали конфликты с соседями, захват новых земель, эксплуатация, войны («Бентамия сделалась государством грозным и сильным»). При том, что сохранялось и продолжало в ней жить всё, чем знаменито утилитарно-нравственное сознание – добывание любыми средствами вещественных выгод, стали возникать внутренние раздоры. Но и этим вред, наносимый неустранимой потребностью пользы, не исчерпался. Все, «в ком нашлась хотя искра божественного огня, были, как вредные мечтатели, изгнаны из города», науки и искусства совершенно замолкли, «таинственные источники духа иссякли», «торжествовал банкирский феодализм». В довершение природные катаклизмы, мор, голод в сочетании с обманами, презрением к человеческому достоинству и «угодами самым грубым требованиям плоти» привели к гибели Город и его обитателей [6, с. 65–71].

Избранная стратегия (беллетризованная форма утопии-предостережения) позволила Одоевскому по-своему эффективно разрешить задачу, которая всегда была в моральной философии важнейшей: проблему напряженности между «сущим» и «должным». Продумывая разнообразные коллизии, с которыми сталкиваются жители «Города», Одоевский всякий раз выполняет одну и ту же работу: проверяет суть практической морали И. Бентама в отношении к социальной перспективе. Здесь для него лежит разгадка и понимание сомнительности утилитаристской теории, несмотря на ее видимую убедительность и обоснованность. Та ночная беседа, которую ведут три молодых философа и их ученый друг Фауст, блестяще это иллюстрирует. Ироничный тон Фауста, а через него и ирония Одоевского, по воле которого и выступает Фауст, озвучен так: «я, как ученый <...> замечаю только, что говорят другие, а сам ничего не говорю; однако ж, мне сдается, что наибольшую роль играет во всей вселенной именно то, что менее осязаемо или что менее полезно» [6, с. 74].

Под пером Одоевского утилитаристские рецепты морального поведения выступают в виде обманчивой в своих блистательных выводах вербальной оболочки («основательность», «дело», «естественное течение дел», «важность торговли» и т.п.). Роковая ошибка людей «Города», как показал ход происшедших в нем событий, заключалась в том, что в страстном и всеобщем стремлении к благополучию побудительным мотивом любого своего действия они избрали только расчетливый ориентир – на всех ступенях и во всех градациях

налицо конъюнктура утилитарно-чувственного. В итоге весь чувственный арсенал их борьбы за будущее счастье, равно как и вся аргументация, оказались крайне рационалистичными и плоскими. Одоевский карает смертью общество, отказавшееся от высших духовных интересов. Он не допускает полного материализма и отказа от самооценности духовного: «Сохрани нас Бог сосредоточить все умственные, нравственные и физические силы на одно материальное направление, как бы полезно оно ни было» [6, с. 35].

Можно добавить, что вопрос пользы, поднят Одоевским, не был исчерпан. Здесь хочется привлечь внимание к двум любопытным моментам: во-первых, в своем знании и своей критике бентамовских идей он опережал русскую мысль на десятилетия. Особо подчеркивая это обстоятельство, В. Розанов скажет: «Бентам был переведен на русский язык только через 50–40 лет после того, как в начинающейся русской философской литературе было дано это изящное, легкое и полное опровержение его теорий» [1].

Во-вторых, моральная теория Бентама – не иллюзия, она была и остается по сегодняшний день ориентиром преуспевающей западной цивилизации. Все концепции социального утилитаризма и справедливости строились и выстраиваются на её основе. К тому же не менее восторженно практическая мораль Бентама была воспринята в России. Вновь процитируем В. Розанова, который довольно едко свидетельствует, что: «“Ночей” князя Одоевского совершенно не существовало в продаже, не было и в библиотеках, когда студенты и даже гимназисты зачитывались им и Д. С. Миллем, увлекались вообще утилитаризмом. И на почве же теорий Бентама была построена вся “передовая” журналистика 60-х годов, с “Современником” и “Русским словом” во главе. Чернышевский все рекомендовал “умные иностранные книжки”, не прочитав сам одной замечательной умной русской книжки, ознакомься с которой, он сложил бы крылья и положил перо» [1].

Неужели из всего этого следует, что Одоевский был одинок в своих критических оценках? Нет, позднее Бентама называли по-разному: не только «законодателем мира», но и «гением буржуазной тупости». В его морали видели «лавочническую арифметику», «что-то безнадежно смердяковское, что-то глубоко опошляющее», вызывающее «почти брезгливость» [7, с. 349].

Признавая недостаточность и однородность теории английского утилитариста, П. Сорокин, однако, нашел слова в ее оправдание. Так, отмечая практическое значение морального утилитаризма для основных институтов права и политэкономических школ, он предложил злословящим

критикам обратить внимание на общность бентамовской максимы (наибольшее счастье наибольшего количества людей) и тезисов социализма [6, с. 385]. Уже позднее, в своей концепции социальной и культурной динамики он выскажет иное суждение: общество, в котором «каждый считает, что у него есть право быть самому себе нравственным законодателем, обязательно придет к упадку», «так должно быть, и так будет» [7, с. 492]. Сорокин категоричен: «...многочисленные “современные” специалисты по этике, уверяющие нас в том, будто времена императивной системы этики прошли, что отныне будущее всецело принадлежит “научно обоснованной” технике морали чисто утилитарного, эвдемонического или гедонистического типа, – все они суть не что иное, как несчастные жертвы собственного скудного воображения и ограниченности знания» [8, с. 494].

Разве не напоминает нам заключение П. Сорокина и по сути, и по манере то, что давно было очевидно князю Одоевскому? Но разве не удивительно также, что, наблюдая человеческие идеи и характеры, созвучные или диссонансные собственной духовной позиции, устанавливая между ними естественные или аллегорические связи, Одоевский – этот неутомимый искатель истины, «русский Фауст», как его называли, – неизменно и как бы немислимым образом попадает в самую сердцевину самых сущностных тягот и вопросов человека?

Рассуждая далее, спросим себя: почему же у повести такое название? Что князь имел в виду, отказывая «Городу» в имени? Можно предположить, что название – это как бы «образ с двойным дном», ибо, с точки зрения замысла, укладывается в первоначальное – утопия. Здесь очевидная связь: это как два символических жеста, две позиции по отношению друг к другу, определяющих себя в качестве опыта некоей реальности, которая принадлежит исключительно человеческому духу и которой он сам себя являет.

Несомненно, само по себе название «Город без имени» – образ аллегорический, продукт воображения, отсылающий в некую область, к некоему месту или прообразу, имя которому – Утопия, именно та Утопия, что предполагал Т. Мор.

Но у «Города» Одоевского нет имени, а то, что имя есть слово, а значит и смысл, – такой переход бесспорен. Даже если смыслы не всегда могут быть прочитаны, они могут смутно угадываться или ощущаться, чего вполне достаточно, чтобы не потеряться в лабиринтах сознания или не кануть в провалах памяти. Смысл позволяет образу закрепиться, озаглавиться в символе. Соответственно, убеждающая сила образов, призванных снимать иллюзии, действует сильнее, чем

весомый аргумент. Вот в таком символическом смысле исключительной демаскирующей силой обладает слово «утопия», которым именуется свой роман Т. Мор. Основной смысл и этос «Утопии» не в моделировании практической программы действия. Ее идеальность, что намеренно подчеркивал Мор, заключена в том, что описываемое им место нигде не существует, никогда не существовало и не будет существовать, что оно и не должно существовать. Горе тому, кто вознамерился бы применить в реальной жизни то, что является лишь ходом мысли, методом понимания и продвижения к истине. Т. Мор – выразитель христианского гуманизма, и потому неосуществимость идеала, невозможность совершенства в этом мире, где ход истории провиденциален, для него определяется противостоянием эсхатологического и исторического состояния человечества [9].

Иное дело утопия Одоевского. Если он в названии лишает «Город» имени, то одновременно лишает его и образа, и смысла. Если Т. Мор Утопия не представлялась перечнем уже осуществленных идей, но зеркалом, в котором отразились бы несправедливость и пороки, господствующие в действительном мире, то Одоевский сознательно стремится показать трагедию их осуществления в реальности. Его риторика направлена к тому, чтобы убедить, что все несчастья мира происходят не от утопий, а от тех безумцев, которые готовы «вполне приводить в исполнение свои мысли». Но в чем они оба сходятся, так это в необходимости радикального изменения человеческого духа, однако путем обращения его к христианским идеалам в случае с Мором, и путем цельного познания, по Одоевскому. Ибо князь не разуверился в человеке, которому, как он причудливо выразился, «так трудно все совершенное, что ему даже недостает способностей совершенно оскотиться» [5, с. 14].

Думается, было бы правильнее сказать, что название «Город без имени» – это псевдоним Утопии, маска Бентама, под выдуманностью и условностью которой, по мысли Одоевского, «скрывается» сциентистски-утилитарный топос западническо-урбанистической цивилизации. Это место – Бентамия. Она – реальность, даже если в вещественном смысле от нее остался лишь один «четвероугольный камень». Она есть, поскольку продолжает существовать в своих подобиях. И Одоевский сообщает об этом мудреной фразой Фауста: «банкирский феодализм на Западе не попал прямо на дорогу бентамитов; а на другом полушарии есть страна, которая, кажется, пошла и дальше по этой дороге; там уже дуэли не на языке, не на шпагах, а просто – на зубах сделались вещию обыкновенною» [6, с. 72].

Таким образом, Одоевский удовлетворяется возможностью показать, что никому не запрещается поддаваться соблазну подчас бесспорной прелести идей, только не стоит наивно думать, что этот мир «существует не существуя». Поэтому сам он не форсирует тоску по «новому городу», где все будут как братья, но подвергает сомнению конечную цель всяких утопий – земной рай. Ему очевиден вред, нанесенный экономистами-утилитариями, самопровозгласившими себя «за первых в человеческом роде». Под видом активных идейных реформаторов они «сочли для себя возможным предписывать ему законы и указывать ему цель» [5, с. 73], однако даже не эта ложная самонадеянность столь важна для князя.

Одоевского интересует не то, что есть, а то, что истинно, и путь, который открывается этому желанию, не имеет конца: «Истина не передается! <...> кто поручится за полную чистоту своего слова?» [5, с. 14–15]. Для нас это еще одна под-сказка, почему он восстает против защиты идей-однодневок, против «выжатых» из нелепостей и заблуждений «строгих, одетых в математическую форму» законов, прилагаемых к другому всё также изобретенному фантому – «человеческому обществу». Знаменательно, что обличение всякого рода «софистического бреда» он препоручает особой персоне – одетому в черную епанчу незнакомцу, которому так же, как и «Городу» – не дает имени. Незнакомец именуется сам, взывая к нему: «Я, последний из твоих пророков» [6, с. 70].

Здесь Одоевский показывает, как акт именованья от первого лица фиксирует историческое событие, замыкающее в себе срез между прошлым и будущим и содержащее в самом себе знак апокалипсической чрезвычайности, символически сокрытый за псевдонимом (Город без имени). Если выразиться по-другому, то можно сказать: оригинальность подхода Одоевского проявляется в том, что лишая «Город» имени, он указывает этим на его сверхисторическое значение. Если отшельник в черной епанче существует в границах определенного исторического горизонта, конкретного времени и места – печальной судьбы Бен-тамии, то его апокалипсические пророчества носят совершенно безличный характер и, по сути, устремлены к абстрактной объективности: «Горе тебе страна нечестия <...> Падут твои чертоги, порвется твоя одежда, травую прорастут твои стогны, и имя твое будет забыто» [5, с. 69].

Однако сохраняя условность утопического, Одоевский мягкой иронией сглаживает безусловный трагизм пророческих вдохновений:

разве не показались трактирщику и жителям соседней станции странными, бессмысленными и безумными проповеди отшельника? Нам же в контексте этих сюжетных аллюзий остается проявить догадку: «Город без имени» всегда там и везде, где «мнимый бог оказался грубым идолом» [10, с. 106].

Ясно с очевидностью, что не только древнейшее и глубочайшее беспрепятственно соединяются с утопическим. Коллизия в том, что в происходящих изменениях продолжает жить, став, казалось бы, нетленным, то, что первоначально и сотворил утопический дух. Однажды достигнутое не может быть утрачено безвозвратно, даже если установленный социальный порядок неверно воспринял общий круг идей, использовав его или искаженно, или недостаточно глубоко. Из-за чересчур заманчивых перспектив «райской жизни» и иных внешних раздражителей и возбудителей надежд, из-за привычной и легкомысленной недооценки того, что, собственно, есть на практике испытанная утопичность, представления о возможном лучше всего трансформируются в химеру, превращаются в догму. И в этом укрывается нечто архетипическое, сохраняющее в наше время силу и на нас воздействующее.

Список литературы

1. Розанов В. В. Чаадаев и кн. Одоевский // Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. Повести. Статьи. Письма. Критика и воспоминания современников. Московские адреса. М., 2006. URL: <http://imwerden.de> (дата обращения: 15.11.2016).
2. Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // В. Ф. Одоевский. Русские ночи. Л., 1975. 317 с.
3. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель : в 2 т. М., 1913. Т. 1, ч. 2. 480 с.
4. Сумцов Н. Ф. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1884. URL: <http://imwerden.de> (дата обращения: 15.11.2016).
5. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Ростов н/Д, 2004. Т. 1. 544 с.
6. Одоевский В. Ф. Город без имени // В. Ф. Одоевский. Русские ночи. Л., 1975. 317 с.
7. Сорокин П. Новый труд о Бен-таме // Этическая мысль : науч.-публ. чтения. М., 1990. С. 349–358.
8. Сорокин П. Социальная и культурная динамика : исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. 1056 с.
9. Мор Т. Утопия. М., 1978. 417 с.
10. Булгаков С. Н. Душевная драма Герцена // С. Н. Булгаков : соч. в 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М., 1993. 752 с.

Образец для цитирования:

Филимонова О. Ф. Зодчие утопического: «Город без имени» В. Ф. Одоевского // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 177–182. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-177-182.

**Architects of Utopia:
«A Town Without a Name» of V. F. Odoyevsky**

O. F. Filimonova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politekhnikeskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: filmon-2006@yandex.ru

Theoretical significance of Utopia has not lost its projecting importance because constant want of cardinal changes, the wish to exceed the bounds of reality and to accomplish the impossible are the known signs of Utopian thinking, discrepant and dual by itself. From the one hand, it gives hope for happiness and, being subverting in its nature, impudently, in an innovatory manner withstands and disputes the existing reality. From the other hand, Utopian thinking associates with ideological deviations which are peculiar to the projects based on the model of hard, even severe order or constructed according to «ant necessity». However, one way or the other, Utopian rationality each time renders the colourful mythological topics of the faraway future, and then the architects of Utopia play the role of precursors possessing the gift of prophecy and prevision. This article intends to show that the practical realization of Utopia has a negative effect which comes not from Utopias themselves but from the people ready to carry out their own or another's abstract thoughts. Appealing to the philosophical and literary works of V. F. Odoyevsky is the direct expression of the indicated intention. His original writing «A town without a name» is an intellectual examination of I. Bentham's practical moral with regard to social future. On this way, for him before and for us now, the clue to understanding of unrealizability and doubtfulness of the utilitarian theory despite of its visual convincingness is lying.

Key words: Utopia, Utopian rationality, anti-Utopia, practical ethics of utilitarianism, Russian philosophy, V. F. Odoyevsky.

References

1. Rozanov V. V. Chaadayev i kn. Odoyevskiy (Chaadayev and prince Odoyevskiy). Odoyevskiy V. F. *Zapiski dlya moego praprapavnuka. Povesti. Stati. Pisma. Kritika i vospominaniya sovremennikov* (Odoyevsky V. F. Notes for my grand grandson. Novels. Articles. Letters. Critics and reminiscences of the contemporaries). Moscow, 2006. Available at: <http://imwerden.de> (accessed 15 November 2016) (in Russian).
2. Maymin E. A. Vladimir Odoyevskiy i ego roman «Russkie nochi» (Vladimir Odoyevsky and his novel «Russian nights»). Odoyevskiy V. F. *Russkiye nochi* (Russian nights). Leningrad, 1975. 317 p. (in Russian).
3. Sakulin P. N. *Iz istorii russkogo idealizma. Kn. V. F. Odoyevskiy. Myslitel. Pisatel: v 2 ch.* (From the history of Russian idealism. Prince V. F. Odoyevsky. Thinker. Writer: in 2 parts). Moscow, 1913. Vol. 1, part 2. 480 p. (in Russian).
4. Sumtsov N. F. *Knyaz Odoyevskiy* (Prince Odoyevsky). Moscow, 1884. Available at: <http://imwerden.de> (accessed 15 November 2016) (in Russian).
5. Zenkovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii: v 2 t.* (History of Russian philosophy: in 2 vol.). Rostov-on-Don, 2004. Vol. 1. 544 p. (in Russian).
6. Odoyevsky V. F. *Gorod bez imeni* (A town without a name). Odoyevskiy V. F. *Russkiye nochi* (Russian nights). Leningrad, 1975. 317 p. (in Russian).
7. Sorokin P. *Novyy trud o Bentame* (New works about Bentham). *Eticheskaya mysl: nauch.-publ. chteniya* (Ethical idea: Scientific-public reading). Moscow, 1990, pp. 349–358 (in Russian).
8. Sorokin P. *Sotsialnaya i kulturnaya dinamika: Issledovaniye izmeneniy v bolshikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheniy* (Social and cultural dynamics: study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations). St. Petersburg, 2000. 1056 p. (in Russian).
9. Mori T. *De optimo reip. statv, deque noua insula Vtopia: libellus uere aureus, nec minus salutaris quam festivus...* Basileae, 1518. Available at: <http://www.ub.uni-bielefeld.de/diglib/more/utopia/> (Russ. ed.: More T. *Utopiya*. Moscow, 1978. 417 p.).
10. Bulgakov S. N. *Dushevnyaya drama Gertsena* (Psychical drama of Gertsen). S. N. Bulgakov. *Soch.: v 2 t. T. 2. Izbrannye stat'i* (Works: in 2 vol. Vol. 2. Selected articles). Moscow, 1993. 752 p. (in Russian).

Cite this article as:

Filimonova O. F. Architects of Utopia: «A Town Without a Name» of V. F. Odoyevsky. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 177–182. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-177-182.